

КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ...

— **З**ДРАВСТВУЙТЕ! — говорит мне знакомый почтальон. Он-то уж хорошо знает мою многолетнюю привычку: я люблю встречать его по утрам и принимать из его рук пачку писем, открыток, телеграмм. Знаю, что они адресованы не только мне, но и моему Максиму, питерскому рабочему, большевику, солдату Октября. Читаю эти густо исписанные разными почерками листки, и встают за ними разные люди с непохожими судьбами, характерами. И я думаю, какая же удивительная связь существует между героем трилогии о Максиме, которая вот уже тридцать лет не сходит с экрана, и зрителями, какие незримые нити связывают советского художника с жизнью народа!

Бывает, что день начинается с такого письма, которое, как огонек, греет сердце: и трудности — не трудности, и горести — не горести, и работаете легко! Вот, например, написал мне из поселка Томашовки Винницкой области Константин Григорьевич Киселев, диспетчер автопарка, книголюб и поклонник искусства, такие слова: «По моему, трилогия о Максиме — это поэма о молодом рабочем, герое революционной эпохи. Но, я думаю, сегодня она звучит шире, нежели рассказ о тех далеких и близких днях: это — поэма о советских людях, о вас, обо мне, о тех молодых современниках Октября, которые прошли школу классово-

борьбы, стали закаленными революционерами-большевиками, организаторами, руководителями Советского государства».

Многие письма так и начинаются: «Здравствуй, товарищ Максим!». Почему же люди пишут Максиму все эти годы? Почему думают о нем, разговаривают с ним, как с современником? Наверное, в этом — чудо нашего искусства. Стареем мы, актеры, но молодцы, полны энергии, жизнелюбия, жажды деятельности герои наши — и Чапаев Бориса Бабочкина, и Щорс Евгения Самойлова, и «член правительств» Александра Соколова Веры Марецкой, и мой Максим!.. Новые поколения зрителей видят в них прекрасные черты героев, высокую концентрацию человеческого духа, которые находят свое продолжение в советском человеке наших дней, в нашей нови.

Прав, конечно, Анатолий Георгиевич Кравцов, рабочий Брянского сталелитейного завода, когда пишет: «И как же велико, наверное, Ваше счастье актера, что Вам удалось создать образ, который стал неотъемлемой частью духовной жизни многих поколений народа, прошел долгий путь борьбы и побед, воспитал и еще воспитает не

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

□ □

одно поколение людей...».

Да, это счастье — моя встреча с Максимом. В этом образе рабочего паренька с Нарвской заставы, который становится руко-

водителем Государственного банка, как бы слились воедино судьба человеческая и судьба народная, как в капле воды отразились и героическое время, и пафос новой нашей жизни, и высокая нравственность советского человека. Как это сыграть? Сколько разных людей, рабочих парней с ленинградских заводов прошли передо мной, подарив мне, актеру, то ли черточку характера, то ли штрихи какой или неповторимые движения! Сколько судеб человеческих вошло в сплав этого образа! И не потому ли он, мой Максим, кажется многим близким, знакомым, своим?..

И не потому ли В. Лушников из Архангельска прислал мне стихи, в которых он как бы сам перевоплощается в образ Максима, от его имени судит всякую дрянь в жизни, славит человека труда:

«Правила строго, товарищ, держись:
Дрянь всю — на свалку!

Хорошее — в жизнь!..

Юность моя проходила в огне,
В сером дыму, в заводской стороне.
Но и поныне близка мне она —
Славная Выборгская сторона!»

Сколько поэтических строк рождено образом Максима! Вот они, сотни писем, лежат передо мной на столе. Беру одно — киевлянина Юрия Васильевича Петрова, читаю вновь, и оживает старая песенка моего героя, но не-

вые, идущие от сердца слова в ней:

«Годы тридцатые. «Юность
Максима».

Песенку эту я снова пою.
Строчки беспечные необъяснимо
Бурей ворвались в юность мою.
«Крутится-вертится шар голубой»...
Вместе с тобою и вместе со мной.
Крутится-вертится, годы летят,
И вырастают орлы из орлят».

Не могу не рассказать и об этом письме... На конверте обращение к работникам почты, написанное крупным детским почерком: «Очень просим найти данного адресата». Написали письмо ребята из Арской школы Кировской области. «Мы разыскиваем Вас уже третий год... Мы живем очень далеко от районного центра. Поэтому кино к нам возят очень редко. Мы очень сожалеем, что пока нам не удалось видеть ни одного фильма, в котором Вы играете. Но наша вожатая рассказывала и про трилогию о Максиме, и про «Волочаевские дни», и про «Чапаева», и про «Верных друзей»... У нас четвертый год стопроцентная успеваемость. Просим Вас, напишите о своей работе, о Вашем здоровье...»

А вот еще одна просьба. Пишет мне и моему Максиму молодая мать Наташа Баранникова: «...подпишите, пожалуйста, для моего сынишки Вашу фотографию. Мой Сережка пока совсем мал, но когда он подрастет, я ему обязательно покажу и вашего Максима, и Учителя...». И вырастают орлы из орлят...

ПОЖАЛУЙ, ни у кого не может быть такой почты, как у нас, советских артистов. В письмах наших зрителей — и горячая любовь к Октябрю, к Стране Советов и к героям, рожденным революционным временем, и раздумья о жизни, и тяга к прекрас-

ному, к встречам с истинным, высоким, облагораживающим сердцем искусством, и споры о фильмах, глубокая заинтересованность в том, что появляется на экране, на сцене, и порою личный, почти интимный разговор. К моему Максиму обращаются за советом в сложные минуты жизни, просят помощи... Не скрою, нелегко бывает ответить на все вопросы, сумеет помочь и делом, и советом. Но иначе просто невозможно: ведь лучшие герои наши — это активные борцы, добрые друзья и помощники людям. Мы же, актеры, художники, — их полномочные представители. И часто так получается, что герой наш «гуляет» по экранам мира, а нам приходится за него отвечать на письма и словно бы продолжать его жизнь в настоящем...

Недавно получил я письмо из Ставропольского края, от сельского учителя Бориса Ивановича Будникова. И вновь разволновался. «Мне сорок один год, — пишет он. — И я считаю, что если еще раз не посмотрю мой любимый фильм — трилогию о Максиме, то вроде бы и жизнь проживу неполноценно.

...Работаю я в сельской школе учителем истории и географии. Из-за нехватки учителей приходится читать литературу, проводить занятия по физкультуре. Урока эстетики, конечно, у нас нет. Но разве я могу не рассказывать детям о прекрасном, вдохновляющем, жизнеутверждающем! Разве могу не рассказывать о великих реалистах эпохи Ренессанса! О Шалыпине! О Чайковском! О композиторах «Могучей кучки», о художниках-передвижниках! Ну и как не рассказать им о мастерах кино! Дети проникаются настоящей любовью к искусству. Они получают

большое удовольствие и наслаждение, прикоснувшись в какой-то мере к прекрасному.

Так спасибо же вам, мастерам прекрасного, что вы своим трудом представляете нам всем такое неизмеримое удовольствие! Открываете нам мир прекрасного! Низкий вам русский поклон!»

Борис Иванович Будников мечтает создать в школе театр, собирается изучать актерское и режиссерское мастерство, пишет книгу. И мне захотелось с ним встретиться, помочь ему в этом деле, не откладывая в долгий ящик. Ведь нас, актеров, и письма зрителей, и встречи, и поездки по землеродной обогащают высоким чувством радости общения с жизнью, с будущими героями, которых мы должны достойно отображать на экране, на сцене... Может быть, из их черточек, из сплава их характеров родится новый Максим, Максим наших дней, советский человек семидесятых годов...

...Окончен день. Я достаю большой альбом, где хранятся фотографии всего моего войска, всех моих героев. Эти беспокойные товарищи все еще странствуют по кинотеатрам белого света. И какими маленькими, пустыми становятся мои личные огорчения, неприятности перед тем большим и важным делом, которое вершит наше искусство. И гордость просыпается во мне за могущественную власть искусства над человеческими душами, власть, которую мы, советские художники, честно обращаем на пользу людям.

Я с нетерпением жду утра и знакомого письмонасца, который принесет мне новые вести от друзей моего Максима, от моих добрых и строгих, старых и новых друзей.

ИЗВЕСТИЯ
1 Мая

17 НОЯ 1971